

802-18
487
ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

№ 8

АВГУСТЪ

1864

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Вышла въ свѣтъ «КАРТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ, съ обозначеніемъ военныхъ округовъ», изданная при «ВОЕННОМЪ СБОРНИКѢ».

людей, горячо сочувствующихъ благой цѣли, всегда готовыхъ помочь и словомъ и дѣломъ. Пусть члены комитетовъ занимаются въ мирное время изученіемъ и подготовкою средствъ для врачебной помощи арміи. Въ этомъ отношеніи имъ будетъ въ высшей степени полезенъ музей хирургическихъ инструментовъ и военно-медицинскихъ аппаратовъ, устраиваемый, какъ мы слышали, въ большихъ размѣрахъ, при с.-петербургской медико-хирургической академіи. Наступитъ война, и они въ состояніи будутъ немедленно снабдить армію готовымъ и вполне приноровленнымъ къ ея врачебнымъ потребностямъ запасомъ. Но какъ, по нашему убѣжденію, чѣмъ болѣе приближается благотворительность къ своему идеалу—самоотверженію, тѣмъ далѣе она становится отъ исканія власти въ какомъ бы то ни было видѣ, то члены комитета, если захотятъ не только снабжать армію врачебными средствами, но и принять личное участіе въ подааніи пособій, конечно, охотно подчинятся распоряженіямъ военно-медицинскаго вѣдомства. Такое подчиненіе необходимо по той простой причинѣ, что для успѣха всякаго дѣла въ военное время долженъ быть одинъ хозяинъ—распорядитель. Если же комитеты не захотятъ ограничиться скромною ролью благотворителей въ военныхъ госпиталяхъ, то пусть открываютъ собственные госпитали, какъ то сдѣлали члены ордена св. Іоанна Іерусалимскаго для прусскихъ солдатъ, сражавшихся въ Даніи, учредивъ два госпиталя: одинъ во Фленсбургѣ, другой въ Альтонаѣ. Наши военные врачи первые поражаются подобной конкуренціи. Мы полагаемъ однако, не по чувству узкаго патріотизма, но въ силу опыта, что едва-ли русскому обществу пріятна будетъ помощь иностранцевъ во время войны: всѣмъ участвовавшимъ въ крымской кампаніи памятна польза, которую принесли нашей арміи приглашенные гости—врачи съ запада!... Наши комитеты могутъ обойтись безъ званыхъ и незваныхъ гостей; они должны быть русскими—народными, и при такомъ условіи непременно пріобрѣтутъ общее сочувствіе: чѣмъ дѣло народнѣе, тѣмъ оно спорѣе.

Докторъ медицины И. ЗАБОРОВСКИЙ.

СЫРЪ-ДАРЬИНСКАЯ ЛИНІЯ. *

I.

ОТЪ ОРЕНБУРГА ДО ФОРТА ПЕРОВСКІЙ.

Есть въ Россіи много такихъ далекихъ уголковъ, откуда даже вѣсти не получишь никогда и о существованіи которыхъ большинство ничего не знаетъ. Къ числу такихъ уголковъ принадлежитъ, безспорно, фортъ Перовскій, который на картѣ Азіи значится, какъ пограничный пунктъ русской оборонительной линіи, на предѣлахъ средне-азіатскихъ ханствъ: Бухарскаго, Хивинскаго и Коканскаго. Не только въ Россіи, но и въ Оренбургскомъ краѣ немногіе имѣютъ вѣрные свѣдѣнія объ этомъ фортѣ. И не мудрено: о фортѣ Перовскій если и появляются какіе рассказы, то большею частию до того фантастическіе, до того противорѣчивые, что не знаешь, чему вѣрить. Одни изображаютъ путь сюда и жизнь здѣсь самыми мрачными красками; другіе говорятъ, и даже пишутъ, что здѣсь неподалеку и рай земной, и путь сюда отличный, и изобиліе плодовъ земныхъ, и проч., и проч. Подобный отзывъ, кажется, первый и, вѣроятно, послѣдній, рѣшился высказать какой-то корреспондентъ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, въ письмѣ изъ Казани, перепечатанномъ въ 59 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1863 годъ. Какъ увидитъ читатель ниже, путь

(*) Часть этого письма была напечатана въ № 178 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1863 годъ. По желанію автора, оно помѣщается здѣсь вполнѣ. Ред.

изъ Оренбурга совсѣмъ иной, нежели какъ описанъ въ этомъ письмѣ; что же касается до того, будто изъ Туркестана и Ташкента доставлено въ Оренбургъ ташкентскимъ купцомъ Сейдезимомъ, черезъ фортъ Перовскій, 2,000 пудовъ хлопка, *на телегахъ* отъ самаго Ташкента, то это такой пущъ, отъ котораго померли со смѣху всѣ жители форта, прочитавшіе забавную басню. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Бухара, Хива и Коканъ, ни одна телѣга не бывала тамъ, и у здѣшнихъ жителей нѣтъ другихъ перевозочныхъ подводъ, кромѣ безобразныхъ двухколесныхъ арбъ, какъ у горцевъ на Кавказѣ, только съ колесами еще большаго размѣра, имѣющими въ діаметрѣ обода отъ 2 $\frac{1}{4}$ до 2 $\frac{3}{4}$ аршинъ. Да и такихъ арбъ очень немного, потому что онѣ негодны для перевозки тяжестей, по непрочности и громоздкости своей и при страшныхъ пескахъ. Ни одинъ караванъ со времени появленія русскаго флага на стѣнахъ коканской крѣпости Акъ-мечеть (нынѣ фортъ Перовскій) не проходилъ здѣсь иначе, какъ на навьюченныхъ верблюдахъ, и то весной и осенью, потому что лѣтомъ, отъ невыносимаго зноя и тучъ слѣпней, буквально заѣдающихъ верблюдовъ (которые линяютъ въ это время года), никакого сообщенія не бываетъ. Надѣюсь, что нѣсколько строчекъ о путешествіи моемъ въ эту невѣдомую страну, о мѣстахъ, занимаемыхъ нашими войсками, и объ общественной жизни въ фортѣ Перовскій не будутъ лишены интереса для читающей публики. Постараюсь передать все мною видѣнное безъ малѣйшихъ прикрасъ и могу поручиться за достовѣрность разсказа.

Изъ Оренбурга выѣхалъ я въ половинѣ февраля 1863 года. Зима уже собиралась покинуть край и снять покровъ глубокихъ снѣговъ; кое-гдѣ пробивались ручейки отъ тронувшагося снѣга и солнце смотрѣло не такъ сурово: лучи его слегка нагрѣвали воздухъ и весело отражались на снѣговой равнинѣ. До Орской станицы (256 верстъ) проѣхали мы и скоро и хорошо. Орскъ, при р. Уралѣ и пересыхающей рѣчкѣ Ори, есть послѣдній пограничный пунктъ оренбургской линіи и Европы. Какъ будто сама природа назначила мѣсто это рубежомъ: только что выѣхали мы изъ Орска, какъ, послѣ прекрасной, отчасти даже живописной мѣстности, чрезъ полверсты уже разостлалась необъятная степь. Такая дорога продолжается на всемъ пространствѣ до укрѣпленія Уральскаго (390 верстъ). Ни одного деревца, ни одного кустика, ни одного пригорка: все

пусто, все мертво; гладь ровная, необозримая, окоймленная горизонтомъ. Изрѣдка встрѣчались намъ жилища кочующихъ киргизовъ, аулъ кибитокъ въ 10—15, иногда и больше. Близъ нихъ больше жизни. Огромныя стада барановъ и рогатаго скота бродятъ по степи, питаются колючкой и коылемъ. Попадались еще „мазарки“ (такъ по-киргизски называются могилки): онѣ выѣпливаются изъ глины, въ видѣ столбовъ, бесѣдокъ и фантастическихъ жилищъ въ азіатскомъ вкусѣ. Случалось видѣть и очень затѣйливыя кладбища, въ видѣ замковъ, въ срединѣ которыхъ постланы кошмы, ковры, разложены верблюжьи и лошадиныя черепа и кости. При такихъ богатыхъ мавзолеяхъ всегда живутъ мулла и два, три сторожа. На всемъ этомъ пространствѣ хлѣбопашества нѣтъ, да и родиться ничего здѣсь не можетъ: воды нѣтъ, земля солончакъ и песокъ; только двѣ рѣчонки попадаютъ на всемъ пути: Оръ и Иргизъ, обѣ болотныя и лѣтомъ почти пересыхающія. Аулы и станціи расположены большею частію подлѣ озерковъ; въ иныхъ озеркахъ воды нѣтъ, а въ другихъ она соленая и тухлая. Станціи состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ, тоже въ азіатскомъ вкусѣ: одна комната, стѣны обиты кошмой; на полу иногда тоже кошма. Но большею частію въ такихъ домикахъ ничего не найдешь: ни стола, ни стула, ни кровати. Стѣны отъ сырости уже раздвинулись и готовы обрушиться. Есть что-то похожее на печку, которой топить нельзя, по причинѣ сильнаго дыма (топятъ или торфомъ, или кизякомъ). На первой станціи мы ночевали. Человѣкъ пять киргизовъ-ямщиговъ вошли къ намъ, съ любопытствомъ осмотрѣли наши вещи и, безцеремонно усѣвшись на полу, стали поплевывать въ огонь (киргизы безпрестанно поплеываютъ). Говорить по-русски умѣлъ только одинъ, и то очень плохо. Напившись чаю, мы хотѣли лечь спать, но были удивлены игрой киргизовъ въ карты: они играли въ свои козыри, по всѣмъ правиламъ и очень хорошо. Мы присоединились къ нимъ и нѣсколько разъ сыграли въ свои козыри, потомъ въ дурачки. Когда кто изъ насъ оставался дурачкомъ, киргизы отъ души хохотали. Безъ разговора и разсужденій, игра эта была очень оригинальна, и пулька кончилась въ двѣнадцатомъ часу ночи (*).

(*) Послѣ, уже въ фортѣ Перовскомъ, мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть играющихъ въ карты, и въ эти же игры, бухарцевъ, хивинцевъ и коканцевъ.

Почтовое сообщеніе ужасное: лошади изнурены до невѣроятности; упряжки нѣтъ, она вся порвана, изломана и въ самомъ жалкомъ видѣ; повозки въ такомъ же видѣ. Часто, за недостаткомъ сбруи, пристяжныхъ привязываютъ за хвостъ веревкой къ оглоблямъ впереди коренной, гусемъ, а иногда и на пристяжку. Нѣсколько человѣкъ держатъ лошадей, пока не сѣлъ ямщикъ, а потомъ пускаютъ ихъ, разбѣгаясь въ стороны съ гикомъ. Перепугавъ лошадей и путешественника, киргизы бѣгомъ провожаютъ тройку, подгоняя ее. Лошади несутъ телѣгу во весь опоръ, фыркая, кусаясь, лягаясь, безъ дороги и оглядки, но, пробѣжавъ 8 — 10 верстъ, пристають, потомъ преспокойно ложатся и ни за что не поднимутся съ мѣста, такъ что иногда намъ по нѣсколькимъ часамъ приходилось стоять въ полѣ, пока имъ вздумается продолжать путь. Станціи безъ поверстныхъ столбовъ; дорога не ооимлена. Разстояніе отъ станціи до станціи значитъ въ 30 верстъ, а выходитъ вѣрныхъ 45. При недостаткѣ корма и вообще дурномъ содержаніи лошадей, такое разстояніе составляетъ главную причину изнуренія лошадей; вдобавокъ станціи не подлежатъ никакому контролю, и на всемъ протяженіи только три смотрителя-урядника Оренбургскаго казачьяго войска.

Почтъ-содержатель, — киргизъ, получивъ деньги за поставку лошадей, живетъ въ аулѣ, никогда не навѣщаетъ станцію, предоставивъ ее ямщикамъ, киргизамъ-байгушамъ (бѣднякамъ), которые, не имѣя пріюта и куска хлѣба, идутъ за самую ничтожную плату и не только не кормятъ лошадей, но сами не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и вымалываютъ у проезжающихъ кусокъ хлѣба. Иногда вся пища ихъ состоитъ изъ воды, въ которую замѣшиваютъ горсть скверной, невыдѣланной муки. Жаль смотрѣть на этихъ несчастныхъ. Гдѣ живетъ самъ почтъ-содержатель или хозяинъ станціи, тамъ видно больше достатка: есть и скотина, и бараны, и хлѣбъ пекутъ (лепешки); иногда и барана варятъ, разрывая его на части и опуская въ котелъ. Когда мясо уварится, хозяйка разливаетъ жидкость въ миски и подноситъ каждому; затѣмъ дѣлятся части баранины, а если есть гости, то угощаютъ сперва ихъ, и, въ знакъ особеннаго расположенія, хозяйка и хозяинъ непрерывно отрываютъ куски мяса и своими двумя пальцами кладутъ въ ротъ гостю. Гость беретъ ртомъ мясо и, въ свою очередь, въ знакъ особенной благодар-

ности за любезность, облизываетъ пальцы хозяевъ.... Зрѣлище отвратительное!

Черезъ пять дней мы пріѣхали въ укрѣпленіе Уральское. Оно расположено на возвышенной мѣстности, близъ рѣки Ирги-за, съ соленой донельзю водой. Видъ укрѣпленія мрачный, одноцвѣтный. Всѣ казармы и домики изъ воздушнаго кирпича (не обожженаго) и не обжжены; крыши изъ камыша, обмазанные глиной и залитыя известковой слюдой; валъ, брустверъ и все существующее въ укрѣпленіи изъ того же кирпича. Есть, впрочемъ, небольшая каменная церковь, съ желѣзной крышей. Въ крѣпости три вѣтряныхъ мельницы; слободка поселенцевъ, состоящая изъ нѣсколькихъ домиковъ, и склады провіанта и лѣса. Гарнизонъ состоитъ изъ одной роты пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ орудій.

Изъ Уральскаго начинается путь по пескамъ, называемымъ Кара-Мула; они тянутся на пространствѣ 358 верстъ. Намъ дали трехъ верблюдовъ, которыхъ запрягли въ почтовую телѣгу такимъ же образомъ, какъ запрягаютъ лошадей, только безъ сбруи и дуги, привязавъ къ коренному оглобли, а къ пристяжнымъ постромки за накладку, которая надѣта на шею верблюда сверху, въ видѣ сѣдла, прикрѣпленнаго подпругами. Киргизъ-ямщикъ садится верхомъ на кореннаго верблюда, беретъ поводья кореннаго и пристяжныхъ, и путешествіе начинается шагомъ, по непроходимымъ пескамъ. Вся мѣстность покрыта буераками и песчаными холмами; иногда стелется ровная, необъятная гладь; ни птички, ни живой души: все мертво; только порывистый вѣтеръ, поднимая хрупкій, мелкій песокъ и крутя его въ воздухъ, а потомъ разбрасывая по степи или перенося съ одного мѣста на другое, нарушаетъ своимъ свистомъ безмолвіе этого мертваго царства. На всемъ пространствѣ, вмѣсто станцій, устроены кошомные кибитки, съ желѣзными печами; но отъ небрежности и безпечности киргизовъ-ямщиковъ, надъ которыми нѣтъ надзора, печи всѣ поломаны, помяты. Топлива очень мало; топятъ преимущественно колючкою и торфомъ. Жаръ отъ раскалившейся печки до того силенъ, что отъ дыма и духоты нѣтъ возможности стоять; а сѣсть на полъ холодно. Такое-то удовольствіе мы испытали въ продолженіе восьмидневнаго пути. Верстъ за 85 до форта № 1-го пески становятся не такъ глубоки, мѣстность ровнѣе; вправо отъ дороги возвышается въ отдаленіи большая гора Араль, на берегу Аральскаго моря.

Ни одинъ киргизъ, на всемъ разстояніи, не умѣлъ говорить по-русски, мы тоже ни слова не знали по-киргизски; потому всѣ разговоры и объясненія наши ограничивались мимикою: прїѣдемъ, покажемъ три пальца, закричимъ: „верблюды“ (на этомъ пространствѣ зимой, а на нѣкоторыхъ станціяхъ и лѣтомъ, вмѣсто лошадей держатъ верблюдовъ), и пошла бѣготня, суета. Запряжка продолжается не менѣе двухъ часовъ; потомъ расплата прогоновъ, непременно серебряной монетой. Киргизы отлично знаютъ, сколько слѣдуетъ получить прогоновъ за верблюдовъ. Достать съѣстнаго ничего нельзя, даже куска хлѣба; вода есть только при станціи, и то въ колодцахъ, отстоящихъ иногда за нѣсколько верстъ, заросшихъ, засоренныхъ, болшею частію тухлая и соленая.

Но вотъ и фортъ № 1-го (Казала). Наружный видъ его такой же, какъ и укрѣпленія Уральскаго, потому что онъ построенъ изъ того же матеріала; но фортъ гораздо обширнѣе и правильнѣе. Слободка поселенцевъ довольно большая; есть много мельницъ. Подлѣ форта протекаетъ Сыръ-Дарья, на которой стоятъ пароходы, лодки, баркасы и баржи аральской флотиліи. Окрестности довольно оживлены. Есть ряды мазанокъ (около 25), принадлежащихъ бухарскимъ купцамъ. Торговля идетъ преимущественно изюмомъ, орѣхами, фисташками, отчасти мукой, шелковыми и бумажными тканями.

Это первый пунктъ сыръ-дарьинской линіи. До форта Перовскаго 350 верстъ. Опять начинается степь; но дорога пролегаетъ по берегу рѣки Сыръ-Дарьи и покрайней мѣрѣ есть всегда хорошая вода, мѣстность не такъ однообразна, попадаются небольшія возвышенности и кое-какая растительность, преимущественно однако колючка и камышъ. Намъ дали трехъ верблюдовъ, четыре конвойныхъ казака, вожака-киргиза и другаго ямщика, и какъ у насъ экипажа не было, а почтовыхъ телѣгъ здѣсь уже не полагается, то путешествіе совершилось верхомъ на верблюдахъ: на двухъ лежали व्यюки, на третьяго помѣстились я и мой товарищъ. Киргизъ-ямщикъ пѣшкомъ велъ верблюда въ поводу; верховые казаки вели за поводъ व्यючныхъ, а вожакъ ѣхалъ впереди на кличѣ, показывая дорогу. Это караванное странствованіе продолжалось десять дней. Хорошо, если путь этотъ совершается въ благоприятную погоду, лѣтомъ; но мнѣ не посчастливилось: я ѣхалъ

въ концѣ февраля; шли дожди съ мокрымъ снѣгомъ, потомъ бывали утренники до 18° мороза.

На половинѣ пути къ форту Перовскому есть небольшой фортъ № 2-й (Кармакчи). Здѣсь дѣлается смѣна верблюдовъ и конвоя, и пунктъ этотъ, кажется, имѣетъ единственное назначеніе — служить мѣстомъ отдохновенія для истомленнаго путешественника. Вторая половина пути живописнѣе: встрѣчаются безпрестанно озера, поросшія огромнѣйшими камышами; стаи дикихъ утокъ, гусей, гагаръ и прочей дичи непрерывно носятся надъ головами и безъ страха опускаются въ разстояніи 20 — 30 сажень, преспокойно расхаживая по берегу или плавая по водѣ. Табуны лебедей, стройно выгнувъ шею и блестя бѣлизной на солнцѣ, прохаживаются по берегу озеръ и крикомъ своимъ, далеко слышимымъ, обозначаютъ свое присутствіе; то-и-дѣло дикіе сайгаки (родъ оленей) перебѣгаютъ дорогу, а въ колючкѣ стаями пасутся фазаны, величаво разгуливая въ кустахъ. Говорятъ, что въ камышахъ укрываются дикіе кабаны и тигры, или, какъ ихъ зовутъ киргизы, джамбарцы. Начальство платитъ за всякаго убитаго тигра 15 руб. сер. и шкуру отдаетъ побѣдителю, которую онъ продаетъ не менѣе 8—10 р. сер. Намъ сказывали охотники, будто тигръ почти никогда не бросается на проѣзжающихъ и безоружныхъ; но, завидѣвъ охотника, тигръ съ быстротою молніи прыгаетъ на него, опрокидываетъ и выламываетъ руки. Бывали примѣры, что тигръ забирался въ аулъ, въ кибитку, уносилъ дѣтей, барановъ, молодыхъ верблюдовъ и, закинувъ добычу на спину, преспокойно переплывалъ рѣку. Теперь, благодаря охотникамъ и частому выжиганію камышей, тигровъ здѣсь меньше; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно вверхъ по Сыру, ихъ еще много. Охотятся на нихъ преимущественно киргизы, кочующіе близъ рѣки Сыръ-Дарьи.

На этомъ разстояніи начинаютъ попадаться небольшія, но довольно толстыя деревья саксаула, который хорошо горитъ, и уголь его до того плотенъ, что лежитъ въ печи раскаленнымъ отъ четырехъ до пяти дней. Дерево это вырастаетъ въ 75 и до 100 лѣтъ, потомъ усыхаетъ, валится, пуская изъ корня новые отростки; оно весьма хрупко, такъ что толстое бревно, при сильномъ ударѣ о землю, разлетается въ щепы. Вмѣсто листьевъ, саксаулъ имѣетъ тоненькіе прутики, какъ на барбарисныхъ кустахъ. Для построекъ и подѣлокъ, по причинѣ сво-

ей хрупкости, онъ не годится. Главнымъ же матеріаломъ для топлива служить колючка, кустами которой было покрыто все пространство по обѣ стороны дороги. Колючка похожа на шиповникъ, покрыта зеленью, а весной цвѣтами лиловаго цвѣта, въ родѣ душистаго горошка.

Когда мы подъѣзжали къ форту Перовскій, поля уже обрабатывались для посѣва и производилась поливка въ огородахъ по канавамъ и желобамъ водою, проведенною изъ Сыръ-Дарьи. Растительность казалась довольно хорошею, хотя и требовала усиленныхъ трудовъ при орошеніи земли, такъ какъ, по словамъ старожиловъ, здѣсь въ продолженіе цѣлаго лѣта дождь идетъ обыкновенно разъ, много два. Особенно хороши были всходы на огородахъ капусты, луку, картофеля, арбузовъ и дынь; но иногда саранча съѣдаетъ все посѣянное. Луга покосные близъ форта недурны; и ихъ порою истребляетъ саранча.

II.

ФОРТЪ ПЕРОВСКІЙ.

Столица степи и резиденція управленія сыръ-дарьинской линіи, фортъ Перовскій, имѣетъ большіе размѣры. Фортъ построенъ правильно, хорошо вооруженъ и въ немъ находится значительный гарнизонъ. Но постройки, отъ сыраго грунта и дурнаго матеріала, часто обрушиваются, особенно весной и осенью. Крыши зданій камышевые, вымазаны глиной и залиты известковою слюдой; крыша замѣняетъ и потолки въ домахъ; только снаружи, на нѣсколькихъ брускахъ и тонкихъ перекладинахъ, наложенъ камышъ и вымазанъ глиной, а сверху побѣленъ известью. Полы кирпичные. Кругомъ форта слободки поселенцевъ, базаръ, т. е. лавки бухарцевъ и трехъ или четырехъ русскихъ торговцевъ, преимущественно съ мелочными товарами. Видъ форта тотъ же мрачный, одноцвѣтный (сѣрый), какъ и въ другихъ фортахъ; но жизнь здѣсь сравнительно удобнѣе. Есть небольшой садъ изъ пяти или шести аллей финиковаго и джидоваго дерева, довольно вѣтвистыхъ и съ хорошей тѣнью; въ саду устроенъ, въ китайскомъ вкусѣ, домъ для лѣтняго помѣщенія начальника линіи. Дорожки и бесѣдки чисты. Общество въ фортѣ Перовскомъ довольно большое; но общественная жизнь въ большомъ застоѣ, хотя, сравнительно съ жизнію въ другихъ фортахъ, и кажется болѣе разнообразною. Кака-то апатія отпечатана на всѣхъ лицахъ, замѣтна во всѣхъ движеніяхъ;

даже дамы здѣшнія не изъяты, повидимому, отъ этого недуга (допуская, конечно, исключенія). Служба, сплетни и золото—вотъ основныя начала жизни въ фортѣ. Говорятъ, что бывшій начальникъ линіи, генераль Дебу, хотя и строгій исполнитель служебныхъ обязанностей, умѣлъ однако разнообразить общественную жизнь—заслуга немаловажная, особенно въ такомъ заброшенномъ захолустѣ, гдѣ все это зависитъ единственно отъ главнаго начальника. Генераломъ Дебу устроены здѣсь и благородное собраніе и карточные клубы. При немъ были два бала въ продолженіе святой недѣли. Танцевальная зала хоть и не отличается изящнымъ видомъ, но комната довольно большая, чистая, съ деревяннымъ, а не кирпичнымъ поломъ—обыкновенною принадлежностію здѣшнихъ домовъ. Дамъ собралось до двѣнадцати. Человѣкъ пять плохихъ музыкантовъ наигрывали кадрили, польки, польки-мазурки, грось-фатеръ и пренсъ-эмпериаль—танцы, которые здѣсь въ большой модѣ. Скорѣй это были домашніе вечера, чѣмъ балы. Танцы шли, впрочемъ, очень вяло, апатично, какъ будто по заказу. Ни на одномъ лицѣ не замѣтно было ничего, кромѣ полнаго равнодушія; всѣ движенія какъ бы подчинялись строгому исполненію служебныхъ обязанностей.

Кстати о служебныхъ обязанностяхъ. Онѣ здѣсь трудны, особенно для солдатъ, которымъ нѣтъ смѣны въ продолженіе восьми, девяти, а иногда и больше лѣтъ. Работы инженерныя и хозяйственныя не прерываются цѣлый годъ: непрерывно исправляютъ крѣпость и всѣ зданія, потому что, по причинѣ рыхло-водянистаго грунта, брустверъ и валъ, несмотря ни на какія усилія, каждую весну обваливаются, а зданія стоятъ не долѣе двухъ, много трехъ лѣтъ, отъ дурной выдѣлки воздушнаго кирпича и сильнѣйшей сырости внутри. Люди терпятъ здѣсь большія, чѣмъ на линіи, лишенія: помѣщеніе дурное, пища сравнительно худшая, климатъ вредоносный и рѣшительно никакого развлеченія, доступнаго солдату. Негдѣ даже выпить чарку водки. Солдаты получаютъ въ мѣсяцъ шесть чарокъ спирта, а вольной продажи вина нѣтъ. Немногіе солдаты женаты; большинство же, страдая отъ отсутствія женщинъ, предается разврату съ кочующими близъ форта киргизками, которыя, пускаясь въ распутство изъ бѣдности, даже за кусокъ хлѣба, распространяютъ въ войскахъ сифилитическую болѣзнь.

Всѣ эти неудобства жизни и лишенія губительно дѣйствуютъ на нравственность нижнихъ чиновъ.

Жизнь въ фортѣ Перовскомъ дорога. Дешева здѣсь только рыба: въ продолженіе прошлаго года изловлено разной рыбы до 700 пудовъ. Осетровъ въ годъ, среднимъ числомъ, вылавливается до 400 пудовъ, такъ что пудъ осетра стоитъ 40 к. сер.; зернистая икра 12 р. сер. пудъ, вязига 4 р. сер., клей осетровый 32 р. сер. (онъ сбывается отсюда въ Россію). За то необыкновенно-дешевыя цѣны на рыбу наворачиваются цѣнами на другіе предметы. Напримѣръ: мука пшеничная, и не русская, а доставляемая изъ Бухары, равняющаяся третьему сорту, дурной выдѣлки и вкуса, продается пудъ 1 р. 50 к. сер., крупчатки же пудъ стоитъ 4 р. сер.; яйца за десятокъ 50 к. сер., сахаръ 20 р. сер. пудъ, соль за пудъ 1 р. 40 к. сер., фунтъ коровьяго масла 50 к. сер., курица 50 к. сер. Мелочные, панскіе и бакалейные товары въ такомъ же сравнительномъ размѣрѣ цѣнности ихъ на линіи: что стоитъ въ Оренбургѣ 10 к. сер., за то съ удовольствіемъ даютъ здѣсь 25 к. сер. Ведро спирта, стоящее въ Оренбургѣ 6 р. сер., здѣсь берутъ нарасхватъ, средней цѣной по 24 р. сер. Строевой сосновый и дровяной лѣсъ—бревно въ 3 сажени длины и 6 вершковъ въ діаметрѣ—обходится казнѣ съ доставкой изъ Оренбурга, круглымъ числомъ, въ 35—40 р. сер. бревно, потому что за доставку лѣса платится съ пуда отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 40 к. сер.

Климатъ въ фортѣ Перовскій убійственный: сухое, знойное лѣто; жаръ доходитъ до 40° по Реомюру, при удушливомъ вѣтрѣ, поднимающемъ солонцовато-песчаную мелкую пыль, которая густымъ облакомъ стоитъ надъ крѣпостію. Днемъ слѣпни жестоко кусаютъ людей, лошадей и скотину (почему днемъ, даже съ попонами, нельзя выпускать стада и производить работъ), а ночью миліарды комаровъ буквально заѣдаютъ жителей форта. Не только жители, но и часовые вооружаются хвостами и непрерывно отгоняютъ нападающихъ враговъ. Спать иначе нельзя, какъ подъ пологомъ изъ частой ткани. Въ полѣ водятся въ изобиліи фаланги, скорпіоны и тарантулы.

На мѣстѣ, гдѣ нынѣ фортъ Перовскій, была, какъ извѣстно, коканская крѣпость Акъ-мечеть, взятая бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Перовскимъ, въ честь котораго и названъ фортъ его именемъ. Отъ коканской крѣпости уцѣлѣла только, въ срединѣ форта, башня, бывшая нѣкогда, какъ должно

полагать, угломъ бруствера или барбетомъ; вышина ея около 7 сажень, и нынѣ она служитъ казанчею. Съ этой башни открывается видъ кругомъ форта, верстъ на двадцать. Въ темный вечеръ, когда по Сырь-Дарьѣ и озерамъ зажгутъ камыши и палы его разгорятся, картина бываетъ величественная. Къ сожалѣнію, мѣстность форта Перовскій не совсѣмъ выгодна: въ продолженіе десяти лѣтъ, сильные разливы рѣки Сырь-Дарьи подмываютъ рыхлые, глинистые берега ея подлѣ форта въ такой степени, что берегъ приблизился къ стѣнамъ крѣпости въ иныхъ мѣстахъ уже до 20 сажень. Если не будетъ принято мѣръ (а онѣ почти невозможны, при мѣстныхъ условіяхъ), то года черезъ два или три фортъ грозитъ затопленіе. Весьма также жаль, что до сихъ поръ здѣсь нѣтъ церкви. Есть весьма бѣдная походная палатка, замѣняющая храмъ Божій. Для русскаго человѣка это тяжкое лишеніе.

III.

УКРѢПЛЕНІЕ ДЖУЛЕКЪ.

8-го іюня мы отправились изъ форта Перовскій вверхъ по Сырь-Дарьѣ на пароходѣ „Араль“. Эскадра состояла изъ пароходовъ: „Араль“, въ 40 силъ, съ 3 орудіями (1/4-пудовые единороги), и „Сырѣ-Дарьи“, въ 20 силъ, съ 2 орудіями. Оба парохода, рѣчной системы, построены въ Англіи въ 1861 году, подъ наблюденіемъ начальника аральской флотіи, флигель-адъютанта Бутакова 2-го. Первый, т. е. „Араль“, велъ на буксирѣ баржу, нагруженную саксауломъ до 3,000 пудовъ. Наружный видъ пароходовъ незатѣливый; каюты мало удобны. О механизмѣ, какъ не специалистъ, я судить не могу, а представлю только слѣдующія данныя: на каждомъ рейсѣ пароходъ чинятъ; во время пути сжигается много дровъ, а именно въ часъ до 40 пудовъ, въ сажени же считается отъ 100 до 150 пудовъ. Между тѣмъ, при попутномъ вѣтрѣ, эти суда проходятъ вверхъ по теченію не болѣе какъ 3 и очень рѣдко 4 версты въ часъ, внизъ по теченію 10—15 верстъ въ часъ. Кромѣ того непрерывно выпускаются пары, вслѣдствіе какой-то, говорятъ, ошибки въ механизмѣ, которую, при всѣхъ усиліяхъ, не удастся однако исправить.

Берега рѣки Сырь-Дарьи, до укрѣпленія Джулекъ, большею частію низменные, поросшіе камышемъ, изрѣдка неболь-

шимъ кустарникомъ, преимущественно тальникомъ. Прибрежья болѣе низменныя были затоплены; грунтъ большею частію иловато-солонцоватаго свойства, отчасти песчаный. Ширина рѣки различна: гдѣ 100, 250 и даже болѣе сажень. Отъ значительной быстроты теченія и песчано-илистаго грунта дна, вода въ Сырѣ бываетъ постоянно мутная, однако довольно скоро устаетъ, совершенно прѣсна, не имѣетъ вреднаго вліянія на здоровье и только при частомъ мытьѣ головы производитъ выпаденіе волосъ. Глубина рѣки, подобно ширинѣ и быстротѣ теченія, также различна, въ иныхъ мѣстахъ доходитъ до 5 сажень, но безпрестанно встрѣчаются мели, и особенно чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ онѣ чаще и значительнѣе. Большія мели находятся также въ Джамакъ-Дарѣ, по-киргизски „худая рѣка“. Это часть рѣки Сыра, въ 20 верстахъ ниже форта Перовскій. Названіе ея придумано, вѣроятно, потому, что она имѣетъ гораздо меньшую ширину и глубину и необыкновенно извилиста; во время же низкой воды, мели въ Джамакъ-Дарѣ непроходимы для судовъ и представляютъ даже броды, не болѣе 2½ до 3 футовъ. Прибыль воды въ Сырѣ начинается въ маѣ и продолжается иногда до послѣднихъ чиселъ іюня, что зависитъ отъ таянія снѣговъ въ горахъ; но весной, при вскрытіи рѣки, по незначительности снѣговъ на Сырѣ, разлітія почти не бываетъ. Вообще рѣка Сыръ-Дырья извилиста до невѣроятія, и для обозрѣнія ея гораздо легче ориентироваться по замѣчательнымъ береговымъ урочищамъ или предметамъ, нежели по ея изгибамъ. Расстояніе отъ форта Перовскій до укрѣпленія Джулекъ по сухому пути считается 95¼ верстъ, а водой, приблизительно, по теченію, 188½ верстъ. На четвертый день плаванія, когда мы бросили якорь для ночлега у берега, прискакалъ киргизъ изъ форта Перовскій съ почтою. Какъ странно и вмѣстѣ отрадно было получить въ такомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ впервые развѣвается русскій флагъ, журналы, газеты, отечественные и иностранные! какъ одинаково радостно дѣйствуетъ на всѣхъ этотъ признакъ общенія съ просвѣщенной страной!

Только лишь на шестой день прибыли мы къ укрѣпленію Джулекъ. Оно расположено на правомъ берегу рѣки Сыра. Наружный и внутренній видъ его привлекателенъ. Чистенькая, хорошо и прочно построенная крѣпость эта считается, и по постройкѣ и по удобствамъ жизни, относительно помѣщенія, лучшею на сыр-дарьинской линіи. Строитель ея, г. Бажановъ,

опытный инженерный офицеръ, добросовѣстно и честно исполнилъ возложенный на него трудъ. Внутри крѣпости выстроена изъ обожженнаго кирпича красивая часовня; крестъ ея, на довольно высокой башенкѣ, далеко видѣнъ кругомъ.

Изъ Джулека мы вышли 1-го іюля, съ отрядомъ, по сухопутью, по рѣкѣ Сыръ-Дарѣ, для прикрытія пароходовъ, отправлявшихся вверхъ (я былъ переведенъ здѣсь изъ отряда эскадры въ отрядъ сухопутный). Тропическій жаръ, до 40° по Реомюру, былъ невыносимо-удушливъ; солнечные лучи пропекали тѣло чрезъ всю одежду и будто раскаленнымъ желѣзомъ прижигали его до нестерпимой боли. Мѣстность не представляла никакого убѣжища: степь была покрыта колючкой и тальникомъ, и лишь изрѣдка попадались небольшія деревья саксаула. Въ 1863 году водяная и сухопутная рекогносцировка—послѣдняя подъ начальствомъ всѣми уважаемаго генеральнаго штаба полковника Чернышева—берега Сыръ-Дарьи до Туркестана и оттуда чрезъ хребетъ Каратаускихъ горъ, до коканской крѣпости Сузакъ, по направленію къ сибирской границѣ, и самая экспедиція немного выше Туркестана, кажется, достаточно ознакомили съ сухопутными и водяными сообщеніями края. До укрѣпленія Джулекъ о водяномъ сообщеніи я уже сказалъ выше; далѣе, какъ говорятъ, было продолженіе уже пройденнаго; при сухопутномъ же движеніи, отъ форта Перовскій, выше Джулека, до урочища Мише-Ули (въ 75 верстахъ отъ границы Туркестана), я встрѣтилъ пески, колючку, очень немного саксауловаго лѣса; травы въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ; воды также (есть еще дорога по берегу Сыръ-Дарьи, но это гораздо далѣе).

Цѣлю рекогносцировки было, какъ говорятъ, изслѣдованіе возможности соединить линію сыр-дарьинскую съ линіей сибирской, въ видахъ вѣщаго обезпеченія торговли нашей съ средней Азіей и для защиты каравановъ и киргизовъ, принявшихъ русское подданство. Отрядъ, не доходя Туркестана верстъ 15 и произведя топографическую съемку мѣстности, повернулъ къ Каратаускимъ горамъ и послѣ сорока-дневнаго похода, при невыносимомъ зноѣ и при всѣхъ трудностяхъ переходовъ, молодецки, съ пѣснями, возвратился въ Джулекъ.

Передавая мои личныя впечатлѣнія и наблюденія, я не думалъ ни о порицаніи, ни о восхваленіи сырѣ-дарьинской линіи, да и не имѣлъ къ тому ни малѣйшаго повода. Я изобразилъ этотъ новый, и доселѣ еще загадочный, уголъ нашего необъятнаго отечества такимъ, какимъ онъ мнѣ представился.

ФЕДОРЪ ЛОБЫСЕВИЧЪ.

1-го августа 1863 года.

Фортъ Перовскій.

ГРАФЪ ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ПАЛЕНЪ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

«Воздадимъ должное знаменитымъ мужамъ родной страны и пожелаемъ, чтобы, подобно фенпексу, возродились достойные нѣхъ потомки.»

Графъ Петръ Петровичъ родился въ 1778 году, въ одну изъ славнѣйшихъ эпохъ царствованія великой Екатерины. То была эпоха великихъ подвиговъ, совершенныхъ русскими героями:

Время очаковскихъ и покоренья Крыма.

То была эпоха греческаго проекта, вооруженнаго нейтралитета, учрежденія губерній, успѣховъ русской литературы и дѣятелей ея: Державина, Дмитріева, фонъ-Визина.

Отецъ Петра Петровича, потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ и наиболѣе достаточныхъ дворянскихъ фамилій Остзейскаго края, провелъ всю свою жизнь въ военной службѣ и, будучи любимцемъ императора Павла, былъ возведенъ имъ въ графское достоинство. По обычаю екатерининскихъ временъ, сынъ перва-